

К проблеме эволюции художественной образности (на примере подблюдных песен)

Фольклорный образ сложно структурирован: В.П. Аникин выделяет в нем чувственную, понятийную и художественную компоненты [Аникин 1996]. Для подблюдных песен, сопровождающих святочный ритуал гадания по кольцам, особенно важна вторая составляющая, поскольку по ходу обряда в обязательном порядке предусмотрено «разгадывание» текста (неслучайно в ряде российских регионов анализируемый тип обряда именуется *пением загадок*).

Смысловая структура фольклорного образа (особенно в обрядовой сфере) формируется с опорой на сложную семантическую структуру фольклорного слова, которое кроме прямого (денотативного) значения имеет дополнительные смысловые оттенки, возникающие благодаря его включенности в разнообразные культурные контексты (Д.С. Лихачев называл их «прибавочным элементом», Е.Б. Артеменко – «культурным смыслом»). Последние носят парадигматический характер и «подавляют (...), обедняют, выхолащивают лексическое значение (понятийное содержание) слова, в известных пределах десемантизируют его» [Артеменко 2004: 4]. С учетом этих особенностей фольклорная семема должна анализироваться как иерархически упорядоченная структура, включающая следующие типы сем: *гиперсему* (выражает общетематическое значение), *денотативную* (прямое (общезыковое) значение), *коннотативную* («приращение смысла», т.е. дополнительные содержательные и стилистические значения (...): символические, культурные, семиотические» [Сердюк 2009: 190]). Ср.: «*Бросила подушечку через ворота: // Думала – подушечка в грязь упадет, // А упала подушечка в сани молодца*». Это хорошая песня: не в бедную семью уйдет, а в богатую (АКФ 1991, т. 14, № 264). В толковании приведенного текста

слова «хорошая песня» выражают гиперсему, а «не в бедную семью уйдет, а в богатую» – коннотативную сему.

Совмещение в семантической структуре фольклорного слова одновременно синтагматического и парадигматического уровней, видового и родового значений, по мнению известного лингвофольклориста А.Т. Хроленко [Хроленко 1992], привело к одновременному проявлению в фольклорной образности двух разнонаправленных тенденций – *тотального синонимизма* и *полисемии*. Для традиционных гадательных практик это имело решающее значение. Оно снимало остроту антиномии относительной бедности будущих предсказаний (бедность/богатство, замужество/девичество, хороший/плохой урожай, отъезд на чужую сторону, смерть) и большого числа жребиев, замещающих участников гадания (зачастую их число переваливало за сотню), а также их разностатусности (по социальному, семейному, возрастному и гендерному признакам). Ср.: «*“Растворила малехонько, // Очутилася полнехонько”*. К богатству это: опару она растворила. А, может, рожать? Или: жила вот неважно, а сейчас лучше» (АКФ 1991з, т. 4, № 66). Толкование приведенной песни основано на апелляции к «хлебной» символике (хлеб как главное богатство земледельца) и аллюзии на родильную обрядность, точнее – на зачатие и период вынашивания ребенка, которые в разнообразных фольклорных текстах (заговорах, сказках и др.) обычно сравниваются с затворением и подходом квашни.

То, что коннотативные семы, сформированные разнообразными социокультурными контекстами, играют ключевую роль в механизме интерпретации подблюдных песен, подтверждается следующим фактом. Их дезактуализация автоматически ведет к усилению роли денотативного значения и утрате текстом многозначности и «пластичности» в приложении к конкретным адресатам: образная система начинает проецироваться на хорошо знакомые информанту личные жизненные обстоятельства. Ср.: «*Одна мне песня досталась: “Пестрая свинья с*

приполоном, // С теленочком”. Я всю жизнь проработала в животноводстве (АКФ 1991з, т. 5, № 307); «*В сутках сидеть // Да поперек толстеть*”. И опять мне совпало: я так пополнила (АКФ 1991з, т. 11, № 99). Завершающим этапом такого развития традиции можно считать создание текстов, лишенных всякой иносказательности, вплоть до включения в их образный строй реалий нашего времени: «*Из сберкассы муж идет // С выигрышем, со машиною. Иляя*» (1993, т. 20, № 38); «*Купила билет за тридцать копеек, // А выигрыш его - сто рублей! Илею!*» [ВФНК № 370г].

Другой возможный путь изменения образной системы подблюдных песен, не поддержанных ни интертекстуальными связями, ни социокультурными и ситуативными контекстами, – возникновение интерпретационных парадоксов (алогичных с точки зрения традиционной образности), ср.: «*Идет кузнец из кузницы. Иляя. // Тупицами, насекомыми обвешался. Иляя*». Вот эта, говорят, нехорошая песня¹, а мы считаем хорошая, раз человек работает (АКФ 1991, т. 14, № 239).

Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 406 с.

Артеменко Е.Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. 2004. № 3. – С. 3-12.

ВФНК – Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А.А. Ивановой. Котельнич, 1995.

Сердюк М.А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 96. – С. 184-191.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 140 с.

¹ Традиционное толкование острых железных предметов в рамках подблюдного гадания апеллирует к похоронной обрядности и теме смерти, ср.: «*Идет мужик // С лопатами // да с кирками*» (к смерти) – ВФНК № 290; «*Тупицами рубят, // Лопатами гребут, // Домовище везут*»(к смерти) – ВФНК № 289б.